

Рецензии и обзоры

МОЗАИКА АРХИВНЫХ ДЕТЕКТИВОВ ПОГРАНИЧЬЯ

[Александр Федута. Следы на снегу. Минск: Лимариус, 2018. 328 с.
(Библиотека «XIX»)]

Новая книга белорусского историка литературы Александра Федуты вышла к 195-летию следствия по делу общества филоматов и 220-летию Адама Мицкевича. Подготовлена она в ходе проекта «Франтишек Малевский – хранитель памяти трех народов» при поддержке Посольства Литовской Республики в Республике Беларусь: Малевский был соучредителем тайного общества виленских студентов и другом великого поэта, они вместе были отправлены в ссылку, женаты были на сестрах: Малевский женился в Санкт-Петербурге, где стал директором Литовской Метрики, и где под его началом служил Симонас Даукантас), а Мицкевич – в Париже. Фигуры Мицкевича и Малевского образуют ядро книги, в двадцати четырех статьях охватывающей близкое и дальнее биографическое и литературное окружение, родных и близких, друзей и недругов. В пяти из них, включавшихся в книгу Федуты «Сюжеты и комментарии» (Вильнюс, 2013), исправлены неточности в переводах и обнаруженные фактические ошибки. В той же книге и в «Письмах прошедшего времени» (Минск, 2009)¹

публиковались (и уже не впервые) статьи о филомате Винценте Будревиче в тверской ссылке, несчастном Яне Янковском и борьбе с цензурой редактора газеты „Tygodnik Petersburgski“ Осипа Пржецлавского, то есть Юзефа Пшецлавского. Но ныне эти статьи значительно дополнены результатами архивных разысканий. Например, статья «Страдания будущего цензора» в двух предыдущих публикациях опиралась на письма Пржецлавского цензору Павлу Гаевскому. В рецензируемом издании она расширена анализом конфликтов с Измаилом Срезневским (к нему после Гаевского перешло цензурирование газеты „Tygodnik Petersburgski“ под редакцией Пржецлавского) по письмам, докладным запискам и прочим документам конца 1840-х гг. и эпизодами борьбы в 1850-х гг. с Гавриилом Дукштой-Дукшинским, сменившим Срезневского.

Еще восемь статей включались в сборники статей и сериальные издания, выходившие небольшими тиражами в Варшаве, Киеве, Минске, Москве, Санкт-Петербурге, Таллинне, не всегда

¹ Обе книги рецензировались в нашем журнале, см.: Бержайте, Д. 2011. Еще раз об истории литера-

туры и о новых к ней материалах. *Literatūra* 53(2), 109-113; Михайлова, Г. 2013. Сюжеты и комментарии культурного пограничья. *Literatūra* 55(2), 124-128.

доступные для читателей. Входя в различные научные издания, они в их разном темпе и терялись. И восемь статей опубликованы впервые. Вместе с ними прежние работы, дополненные и переизданные без дополнений и исправлений, образуют новое качество контекстуальных переплетений – изумительный многогранник текстов и судеб выходцев из земель Великого княжества Литовского.

Первый раздел «Люди и тексты» открывает статья с обширными выписками из писем Казимежа Контрыма (адъюнкта Виленского университета, библиотекаря и *spiritus movens* многих благотворительных и иных начинаний) Василию Анастасевичу, служившему при попечителе Виленского университета князе Чарторыйском. С вдумчивыми и содержательными комментариями белорусского ученого письма, до сей поры остававшиеся неизвестными, оказываются ценным источником для характеристики отношений двух теневых деятелей, виленского и петербургского, и прояснения подоплеки назначений и начинаний, сбывшихся и несбывшихся, будь то переводы русских сочинений на польский и польских на русский, проект Азиатской академии, виленский журнал „Dzieje Dobroczynności“, протекция Осипу Сенковскому или Николаю Малиновскому.

В «Этюды о текстах Мицкевича и их интерпретаторах» включена ценная публикация прозаического перевода Константина Сербиновича «Песни» из «Конрада Валленрода» Мицкевича, выполненного, по расчетам Федуты, между мартом и июлем 1828 г. Как известно, Анастасевич оказался цензором,

допустившим поэму в печать (1828), а Сербинович подписал цензурное разрешение двухтомника, в составе которого была и поэма (1829). Сопоставление с текстом той же песни из прозаического перевода Степана Шевырева, опубликованного в журнале «Московский вестник» в том же 1828 г., наводит на интересные соображения, почему Шевырев вслед за Мицкевичем использует слово «литвинка», а Сербинович – «литовка»: действие песни Альбана происходит в ковенской долине Вилии, а для «литвина», то есть уроженца бывших земель Великого княжества Литовского, это, скорее, Жмудь, а не Литва с ее литвинками.

Озаглавленная словами Чарского из пушкинских «Египетских ночей» статья о феномене поэтической импровизации основана на обширном материале воспоминаний Осипа Пржецлавского и Ядвиги Луцевской (Деотимы), свидетельства Евстафия Янушкевича, писем Миколая Малиновского, художественных произведений (В. Ф. Одоевский, А. С. Пушкин, Ж. де Сталь). В статье тщательно анализируются составляющие исчезнувшего вида творчества, дара, которым славился Мицкевич (««Приближение Бога» (Импровизация как случайность и закономерность)»). Мария Шимановская – одна из тех земляков Фаддея Булгарина, творчество которых он усердно пропагандировал на страницах «Северной пчелы». В статье о том, как виртуозная пианистка и композитор подавалась в петербургской газете, и контексте заметок о ней, любопытны наблюдения над зависимостью от политических обстоятельств статистики публикаций 1825–1830 гг., посвя-

ценных польско-русским культурным связям или «в положительном свете рисующих польских подданных империи». Уже знакомая по трем изданиям статья «Невстреча (Эва Фелиньская и Надежда Дурова)» трактует характеристику «пермской достопримечательности» в воспоминаниях ссыльной польской писательницы и общественной деятельницы. Свыше четырех страниц она уделила «кавалерист-девице», с которой, собственно, не встретилась. Объясняется эта парадоксальность и полемикой с образом польки в сочинениях Дуровой (не вполне корректной, как показал Федута), и различным пониманием призвания женщины. Сын Фелиньской Зыгмунт (с. 59), он же Зигмунд (с. 66) Щенсны Фелиньский, архиепископ митрополит Варшавский, в 2009 г. был причислен к лику святых. Он в свою очередь оставил воспоминания, в которых, между прочим, фигурируют Пушкин и Полежаев («Русские поэты глазами католического святого»). В первом случае мемуарист, вероятно, воспроизводил не слухи времен своей учебы в Московском университете, куда он был направлен в 1839 г., а опирался на труды Я. К. Грота и П. В. Анненкова, прочитанные в ярославской ссылке (1863–1883). В случае ареста и ссылки Полежаева Фелиньский излагает версию, источник которой остается загадочным.

Раздел «“Лишние” люди. Филоматы в ссылке и после нее» объединяет работы о Винценте Будревиче, оказавшемся учителем в Твери (и Онуфрии Петрашевиче, учителе в Москве; «Будрыс в Твери»), путешествии в ссылку и мизерабельном существовании в

Вологодской губернии Яна Янковского («Ян Янковский в документах»), неизвестных страницах служебной деятельности («Статут Литовский в руках у бывшего филомата») и частной жизни Франтишка Малевского («Из частной жизни чиновника (К биографии Франтишка Малевского)»), редкой удаче Юзефа Ежовского, сумевшего вернуться на родину («Пытаясь обмануть судьбу (Страницы биографии Юзефа Ежовского)»), и едва не состоявшейся разведывательной миссии Томаша Зана в Бухару и Самарканд («Несостоявшийся разведчик Фома Зан»). Жизнеописания прославившихся Мицкевича, Ковалевского или Домейко не обрываются на приговоре и ссылке. Иные же высланные по делу филоматов оказались в тени. Нередко их судьбы известны лишь в самых общих чертах. Тем ценнее предпринятая реконструкция неведомых или малоизвестных обстоятельств и эпизодов. Пояснения, сопровождающие выписки из документов, вскрывают психологические мотивы действующих лиц, политические факторы и социокультурные контексты. Так, вспыхивает восстание в Польше и Литве в ноябре 1830 г. – и начинается красноречивая переписка важных чиновников, озаботившихся тем, каким образом политический ссыльный, поляк Малевский оказался служащим в III департаменте Сената, прикомандированным к II Отделению собственной его императорского величества канцелярии, и не запятнан ли он чем-либо подозрительным («Холодный ноябрь 1830 года (Франтишек Малевский под подозрением)»). В июле 1831 г. от холеры умирает Мария Шимановская;

Малевский уводит осиротевшее семейство в квартиру генерала Гауке в соседнем доме, поскольку тот дружил с «известной фортопианисткой» и в это время был в отъезде, а детей надо было изолировать. За самовольное занятие чужой квартиры, к тому же во время сеющей панику и подозрения эпидемии, Малевский попадает под арест – и заводится переписка по этому поводу. Арест продлился не более двух недель и остался без видимых последствий. Сравнительно благополучным итогом завершилась переписка 1854 г. между управляющими III и II отделениями собственной его императорского величества канцелярии графами Орловым и Блудовым: последний распорядился поставить на вид Елене Малевской через ее мужа, подчиненного Блудова, «неосторожность, неприличность и также даже противозаконность» ее действий, и самому Малевскому «сделал внушение <...> о обязанности его строго наблюдать за всеми поступками жены». Неосторожные и неприличные действия состояли в том, что Елена Малевская послала в Варшаву дальнему родственнику журналисту и писателю Вацлаву Шимановскому, соредктору газеты „Dziennik Warszawski“, десяток экземпляров литографии с изображением сестры Целины (жены Мицкевича) и двух дочерей с просьбой продать их в пользу бедствующего поэта. Благотворительные лотереи, например, в пользу вдов и сирот были обычным делом, и Вацлав Шимановский уже начал было разыгрывать литографии в лотерею. Между тем поддерживать изгнанников было воспрещено. Более того, помощь семье политического эмигранта во

Франции, с которой Россия находилась в состоянии войны, могла «трактоваться как удвоенная нелояльность» (с. 136).

Отрицательные герои истории литературы, «чрезвычайно талантливые и очень неприятные», – главные фигуранты статей в разделе «Мои любимые “жабы”». Оказывается, граф Генрик Ржевусский мог бы оказаться сослуживцем Тютчева в российской дипломатической миссии в Баварии, куда был определен переводчиком в 1817 г., но, похоже, в Мюнхене так и не появился. Во всяком случае, такой вывод напрашивается из впервые опубликованных документов Архива Внешней политики Российской империи в Москве («Плохой чиновник Генрик Ржевусский»). Письмо, написанное Ржевусским в июне 1831 г. Шевыреву, говорит о том, что восстание стало для него не только личным несчастьем (двоюродный дядя, глава семьи, каким для Ржевусского был старший в этой ветви рода, убит; о близких нет известий; имение уничтожено; лучшие друзья либо погибли, либо в заточении, и оно может кончиться казнью). В восприятии будущего основателя и первого редактора проправительственной газеты „Dziennik Warszawski“, чиновника для особых поручений при наместнике в Царстве Польском, ренегата (в восприятии части польских патриотов) восстание – трагедия, трагедия Польши и трагедия двух братских народов: вспыхнула «старая вражда между народами, происходящими от единого корня и которые уже начинали любить друг друга», и остается только «делать все от нас зависящее, чтобы поддержать согласие между двумя нашими народами», не забывая, что «общее благо рождается из

частных усилий» («Еще до коллаборантства (Об отношении Генрика Ржевусского к восстанию 1830–1831 гг.)).

По отзыву цензора Гавриила Дукшты-Дукшинского о рукописи Ржевусского «Об отношениях литературы к истории» можно составить представление о масштабе историософских размышлений автора «Воспоминаний Северина Соплицы». Цензор отдал должное уму, эрудиции, слогу сочинения, но – «тем оно и вреднее, тем оно и соблазнительнее»: книга подлежала «строгому осуждению, как нарушающая коренные начала Государства», так как под личной скромного названия представляет собой «религиозно Политический Трактат, приготавливающий торжество Латинства над Православием, Либеральных начал над строгим Монархизмом; о нестерпимости же в отношении к другим Христианским вероисповеданиям, о пристрастии к Французам, как образцовому народу – и говорить нечего». Приведенные рассуждения о независимости церкви от светской власти, благотворной для западного христианства, в отличие от стесняемой политической властью церкви на Востоке, и сомнения в теориях, утверждающих, будто бы «высокое призвание управлять людьми <...> составляет принадлежность каких-то предпочтенных Богом родов, благодать переходящую в наследство на потомков», обнажают антиправославный и антимонархический характер рукописи Ржевусского. История с запретом его сочинения подтверждает противоречивость взглядов и деятельности Ржевусского: целиком вместить его в одиозную репутацию коллаборанта и ренегата никак не удается («Граф

Ржевусский – против монархии?!»). Письмо Ржевусского Петру Вяземскому, к тому времени вице-директору департамента внешней торговли Министерства финансов, с просьбой доставить «трудолюбивому сочинителю» Ромуальду Подберезскому какое-нибудь место, «вроде очинщика перьев или письмоводителя», могло бы стать материалом примечания в подробном жизнеописании одного из трех. У Федуты из него вырастает этюд о перипетиях судьбы литератора – уроженца Вильно, его попытках построить литературную карьеру в Москве и Петербурге, отношениях с Крашевским, Пржецлавским, Ладой-Заблоцким, с одной стороны, и с Петром Киреевским и другими славянофилами, с другой, и становится иллюстрацией того, насколько тесными были культурные связи той поры, и какую роль в биографии одного из зачинателей белорусской литературы могли играть выдающиеся деятели польской и русской литератур («Протекция для Ромуальда Подберезского»).

Другая любимая «жаба» Федуты – Юзеф Пшецлавский, герой сюжетов борьбы с цензурой («Страдания будущего цензора»), аргументированного отказа Александру Бенкендорфу обратиться газету „Tygodnik Petersburgski“ в издание на польском и русском языках («Как журналист Осип Пржецлавский отказал шефу жандармов и ему за это ничего не было») и мощного подспудного сопротивления публикации воспоминаний Пржецлавского в «Русском архиве», по письмам редактору «священного ковчега старины нашей», как выразился Вяземский, Петру Бартеневу («Страдания отставного цензора»).

Заключает раздел продуктивное сопоставление читательских маргиналий безвестного читателя-полонофоба на страницах изданных отдельной брошюрой «Калейдоскопа воспоминаний Ципринуса», то есть Пржецлавского (1874), с пометками в книге Александра Погодина «Адам Мицкевич. Его жизнь и творчество» (1912), в основном касающимися взаимоотношений поэта с русским обществом и принадлежащими, предположительно, Станиславу Цивиньскому – историку польской литературы, доценту виленского Университета Стефана Батория («Не то беда, что ты поляк...» (Два примера читательской рецепции))»).

Три статьи из восьми впервые публикуемых составили последний раздел книги «После филоматов». Речь идет о людях и событиях уже другой эпохи. За секретным письмом Гаевского в должности не цензора, но вице-директора департамента народного просвещения, министру народного просвещения Уварова (обнаруженного в фондах отдела Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге) и документами III Отделения собственной его императорского величества канцелярии (в Государственном архиве Российской Федерации в Москве) рисуется картина бдительного надзора за студентами-поляками в Санкт-Петербургском университете, внимания к чтению ими запрещенных сочинений и путей циркуляции, например, изданной в Париже части третьей поэмы Мицкевича «Дзяды», посвященной процессу филоматов. Но это – фон для историко-литературного сюжета: обративший на себя внимание тайной полиции Северин

Голембиовский входил в круг людей, причастных к альманаху „Niezabudka“ «первого бесспорного классика белорусской (тогда еще польскоязычной) литературы» Яна Барщевского, и в его бумагах обнаружился подстрочный перевод Гаевского «песни с белорусского наречия» – первый по времени создания известный перевод белорусского текста на русский язык («Бумаги студента Голембиевского»).

По документам Министерства иностранных дел и III Отделения собственной его императорского величества канцелярии выясняются подробности возвращения в Россию повстанца 1831 г., польского и белорусского литератора и издателя Александра Рыпинского, судьба которого в эмиграции сложилась на редкость удачно («К истории возвращения Александра Рыпинского»). Заключительная статья книги «“Бульварный роман”: жизнь и смерть Семена Малевского», самая крупная по объему, посвящена младшему сыну Франтишка Малевского. Она иллюстрирует тезис о том, что «иногда смерть оказывается интересней жизни» (с. 291): управляющего Сампсоньевского машинно-вагонного завода застрелила любовница, и суд присяжных оправдал мещанку Анну Кирилову. Приговор, между прочим, озадачил Достоевского, отметившего в «Дневнике писателя»: беременная Корнилова в истерике выбросила из окна падчерицу шести лет, та не пострадала, тем не менее, виновница была осуждена в каторжную работу и в Сибирь навеки, а «престранная преступница-убийца» была совершенно оправдана.

Педантичный читатель может заметить разноречивость в написании некоторых

имен, названий изданий («Сынъ Отечества и Северный Архивъ», но «Русский Архивъ») и учреждений (*III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии* и *III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии*), извиняемый сборным характером книги. Книга снабжена именным указателем, необходимым для всякого приличного научного издания. Не беда, что среди его 660-ти с лишним персоналий без страниц с упоминаниями оказались московский книготорговец Готье и мелькнувший в письме Пржецлавского Бартеневу участник восстания 1831 г. Михал Чайковский, он же турецкий офицер Садык-паша.

Основные материалы книги отысканы в архивохранилищах и рукописных отделах библиотек Варшавы, Вильнюса, Кракова, Минска, Москвы, Санкт-Петербурга. Но невозможно распознать и показать биографическую, историко-культурную или литературную ценность в архивном документе, если нет соответствующих знаний. Документ наполняется содержанием и

жизнью благодаря способности белорусского ученого увидеть его связи с опубликованными и неопубликованными мемуарами, письмами, публикациями современной периодики на русском, польском и иных языках, незаурядному умению образовать контекстуальную среду из сведений всевозможных справочников, историко-литературных работ и биографических исследований ученых Белоруссии, Польши, России и других стран.

Интригу архивного детектива дополняют свойственные Александру Федуте внимание к родственным отношениям, житейским обстоятельствам и биографическим контактам, стремление понять психологические мотивы участников непростых ситуаций. Это необычайно оживляет повествование и вкупе с литературным слогом способно обратить к «Следам на снегу» не только профессиональных архивистов, историков, историков литературы, но и любителей, интересующихся личностями и событиями XIX века в нашем культурном пограничье.

Павел Лавринец